Тыжов Андрей Яковлевич

ПЕРЕВОДЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ XVIII-XIX ВВ.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием русских переводов древнегреческих историков на русскую культуру XVIII-XIX вв. Особое внимание направлено на переводы "Исторической библиотеки" Диодора Сицилийского и "Всеобщей истории" Полибия из Мегалополя. Выдвигаемые в данной работе вопросы не привлекали прежде внимание исследователей как с точки зрения истории создания самих русских переводов Диодора Сицилийского и Полибия из Мегалополя, так и с точки зрения их потенциального влияния на русскую культуру XVIII-XIX вв. Основной акцент делается на монументальном переводе Полибия, выполненном профессором Ф. Г. Мищенко.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2016/1/29.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (103). С. 99-101. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2016/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

УДК 94.811.14
Исторические науки и археология

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием русских переводов древнегреческих историков на русскую культуру XVIII-XIX вв. Особое внимание направлено на переводы «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского и «Всеобщей истории» Полибия из Мегалополя. Выдвигаемые в данной работе вопросы не привлекали прежде внимание исследователей как с точки зрения истории создания самих русских переводов Диодора Сицилийского и Полибия из Мегалополя, так и с точки зрения их потенциального влияния на русскую культуру XVIII-XIX вв. Основной акцент делается на монументальном переводе Полибия, выполненном профессором Ф. Г. Мищенко.

Ключевые слова и фразы: историописание; византийские хроники; филологическая критика; экзегеза; пересказ; всеобщая история; литературные эксцерпты; Славяно-греко-латинская академия; русские переводы.

Тыжов Андрей Яковлевич, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
firenze1449@yandex.ru

ПЕРЕВОДЫ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИХ ИСТОРИКОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК И ИХ ВЛИЯНИЕ НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ XVIII-XIX ВВ.

Первое знакомство русской культуры с античным историческим наследием происходит примерно в XI веке. Знакомство это было связано с переводами на русский язык византийских хронистов, в первую очередь Иоанна Малалы, Георгия Амартола и Иоанна Зонары. Жанром этих сочинений является всемирная хроника. Повествование ведется от «сотворения мира» и доводится, соответственно, до времени жизни каждого автора. Важным фактором было то, что византийские хронисты опирались в своих сочинениях на добротную античную историческую традицию. Через сочинения хронистов слышался голос древнегреческих историков: Геродота, Ксенофонта, Флавия Арриана, Иосифа Флавия, Диона Кассия, историка Христианской Церкви Евсевия Кессарийского. Тексты византийских хронистов, а следовательно, и отголоски древнегреческой историографии были доступны на Руси как в уже готовых южно-славянских переводах, так и в переводах, специально создававшихся учеными киевскими монахами.

Постепенное приобщение русской читающей публики к греческой (античной и византийской), а также латинской (античной и средневековой) литературе продолжается и в последующие века.

Приобщение шло по линии языковой адаптации, представлявшей собой переводы различной полноты содержания подлинника, часто, особенно в ранний период, получавших форму пересказов и переложений, в той или иной степени близких к тексту оригинала.

Несмотря на тесные культурные и религиозные связи Руси с Византией, знание древнегреческого языка было распространено лишь в сравнительно узких кругах образованного духовенства и посольских людей. Это обстоятельство сужало круг способных вкладывать свой труд в дело адаптации античного и византийского наследия. Единственными поставщиками людей, получивших гуманистическое образование, долгие столетия оставались духовные училища и созданная в Москве Славяно-греко-латинская академия братьев Лихудов. Несколько забегая вперед, необходимо сказать, что даже во второй половине XVIII в., когда занятия переводами античных авторов получают общественное признание, подавляющее большинство переводчиков были либо священниками, либо светскими людьми, окончившими в свои молодые годы семинарию. Отсюда главное внимание было направлено на изучение греческой патристической литературы.

В целом XVIII столетие, особенно вторая его половина, было богато плодами переводческой деятельности. Среди прочего безусловно стоит упомянуть титанический труд В. К. Тредиаковского, переведшего с французского языка пятнадцатитомную «Римскую историю» Шарля Роллена (СПб., 1761-1766) и «Историю о римских императорах с Августа до Константина» Жана Кревье в четырех томах (СПб., 1767-1769). Кроме того, еще ранее им же был выпущен в 1749-1762 годах перевод «Древней истории» того же Шарля Роллена в десяти томах, охватывающих историю Древнего Востока и Древней Греции [6, с. 90 сл.]. Эти переводы европейских исторических сочинений Нового времени создавали благоприятный климат для более углубленного знакомства с античной историей и основательного занятия переводами собственно античных историков.

Одновременно появляются переводы многих латинских поэтов и писателей: Цицерона, Вергилия, Горация, Гая Юлия Цезаря, Саллюстия, Светония, Корнелия Тацита и других. Из греческих историков достоянием русскоязычного читателя становится «отец истории» Геродот. Но основное внимание, как на то указывает приведенный выше перечень переводной латинской литературы, уделяется позднеантичной древнегреческой литературе периода Римской империи. Здесь следует упомянуть переводы Диодора Сицилийского, Иосифа Флавия, Геродиана и Плутарха. Наряду с этим появляются переводы авторов классического периода: отдельные речи Исократа и Демосфена. Из философов доступными становятся Платон, Кебет Фиванский и стоик Эпиктет.

Особый интерес вызывает обращение к историческому труду Диодора Сицилийского, автора второй половины I в. до н.э., современника императора Октавиана Августа. Сочинение Диодора – единственное дошедшее от античности историческое сочинение, относящееся к жанру «всемирной истории», замыкающее длинный ряд аналогичных сочинений III-II вв. до н.э. Из 40 книг этого сочинения целиком дошли книги I-V и XI-XX. От остальных частей сочинения Диодора византийские писатели сохранили в виде выписок и пересказов большое число контекстных фрагментов. Диодор Сицилийский не был ни вполне самостоятельным, ни даже

сколь-либо оригинальным историком. Основные идеи, которыми он охотно пользуется, взяты им «напрокат» у его куда более значительных предшественников, главным образом у Полибия из Мегалополя, о котором речь пойдет ниже. Ценность Диодора как исторического источника состоит в том, что он сохранил многое из не дошедшей до нас иным образом исторической традиции, например, традиции, связанной с историй античной Сицилии. С другой стороны, сочинение Диодора представляет ценность как своеобразный историко-философский концепт понимания всемирной истории. Если Геродот, Фукидид и Ксенофонт суть историки одного определенного события, пусть это даже такие масштабные явления как Греко-персидские войны или Пелопонесская война, то в случае Диодора мы обнаруживаем попытку осмысления истории всех веков и всех известных греко-римскому миру народов.

Тем не менее, тяжелый, порой труднопонимаемый язык русского перевода И. А. Алексеева [1] во многом лишил этот труд популярности. Для сравнения можно сказать, что греческий текст оригинала – в целом намного легче для понимания, нежели русский перевод Алексеева. Главная ценность выхода в свет перевода И. А. Алексеева состояла, на наш взгляд, в том, что этот труд в совокупности с вышедшим в те же годы переводом Геродота наметил путь для дальнейшей работы в означенном направлении. Впрочем, потребуется еще немало времени для того, чтобы приступить к ее полномасштабному исполнению. Необходимо заметить, что обращение И. А. Алексеева к тексту Диодора, как и во многих иных случаях переводческих предприятий, определялось успехами европейской филологической науки, интерес к которой постепенно активизируется в России со времен реформ Петра Великого, а именно появлением надежных, стоявших на уровне науки своего времени, а в некоторых случаях сохранивших свое текстологическое и экзегетическое значение вплоть до наших дней изданий греческих и латинских писателей. В случае с Диодором речь идет об издании греческого текста, сопровожденного комментариями издателя Петра Весселинга и его предшественников в Амстердаме в 1746 году. Текст этого издания лег в основу всех последующих изданий Диодора Сицилийского.

Другим авторам, например, великому предшественнику Диодора – Полибию из Мегалополя – еще предстояло ждать как своего филолога-издателя, так и своего филолога-переводчика. Знакомство европейской науки с сочинением Полибия произошло сравнительно поздно. В отличие от сочинений Геродота, Фукидида, Платона и Ксенофонта, надежная рукописная традиция которых, по крайней мере уже с начала XV в., находилась в распоряжении гуманистов, труд Полибия не существовал в виде целого сочинения. Долгое время с уверенностью можно было говорить о первых пяти книгах из сорока некогда существовавших. В наличие было большое число фрагментов, разобранных на эксцерпты византийскими эрудитами и распределенных ими по различным тематическим сборникам, например, в составе «Библиотеки» византийского патриарха Фотия (IX в.) или в составе «Хрестоматии» императора Константина Багрянородного. Далеко не все эксцерпты были маркированы именем Полибия, а потому атрибуция этих текстов представляла большие трудности и потребовала труда многих поколений филологов и историков. Первое надежное издание первых пяти книг с эксцерптами из остальных книг, расположенными в соответствии с их тематикой, появилось в 1609 году и было подготовлено знаменитым французским ученым Исааком Казабоном (Casaubonus). Атрибуция эксцерптов книг VI-XL впервые была осуществлена Иоганном Швайгхойзером, выпустившим в свет в 1789-1795 годах в Лейпциге свое восьмитомное комментированное издание, ставшее основой для всех последующих издателей Полибия: Иммануила Беккера, Людвига Диндорфа, Бютнера-Вобста, а также Хульча. Два упомянутые последними издания положил в основу своего перевода великий русский исследователь античности и переводчик Федор Герасимович Мищенко (1847-1906).

Оформление в первой половине XIX века системы классического образования в России расширяло научные возможности в переводческой сфере и способствовало усилению интереса к античности в широких слоях русского общества. Под воздействием общественного культурного интереса и благодаря наличию надежных изданий текстов и исследований, проф. сначала Киевского, а затем Казанского университета Ф. Г. Мищенко обращается к активной переводческой деятельности. Центр его научных интересов лежал в области древнегреческого историописания. За сравнительно короткое время из под его пера выходят переводы историков Геродота и Фукидида, труд географа Страбона и, наконец, главный переводческий труд Ф. Г. Мищенко – трехтомная «Всеобщая история» Полибия.

Полибия без преувеличения можно назвать самым концептуальным историком античности. Он почти единственный из греческих и римских историков глубоко задается вопросом, что есть историческое сочинение, каким целям оно служит, и каким оно должно быть, каким должно быть устройство государств, и какие виды государственных устройств существуют, каково внутреннее развитие форм государственного устройства, каковы цели и движущие причины исторического развития, каково влияние местоположения и климата на судьбы народов и государств и мн. др. Особый интерес в теоретическом багаже Полибия представляет его теория «смешанного государственного устройства», состоящего, по мнению историка, из трех «чистых» форм: монархии, основанной на законах; аристократии, представляющей собой правление лучших; и демократии, находящей свое выражение в действии народного собрания. Такой тип «смешанного государственного устройства» Полибий находил в Римской республике III-II вв. до н.э. [3, с. 5-33; 4, с. 71-84; 5, с. 14-23]. Кроме того, немалый интерес представляет полемика Полибия с политическими теориями философа Платона, содержащимися в сочинениях «Государство» и «Законы» [7].

Вместе с «отцом истории» Геродотом и Фукидидом Полибий составляет триаду самых значительных историков древности, но, в отличие от давно известных в России Геродота и Фукидида, сочинение Полибия было ценным новшеством. Снабженный большой, великолепно написанной вступительной статьей («Федеративная Эллада и Полибий»), а также подробным, опирающимся на исследования как западноевропейских ученых, так и на его собственные исследования комментарием, труд Ф. Г. Мищенко стал единственной и вместе с тем образцовой русской версией Полибия [2].

Тематика, предложенная сочинением Полибия, к сожалению, не нашла достаточного резонанса в русской общественной мысли. Тема Полибия так и осталась сугубо академической. Невозможно было рассуждать о главнейшей теме сочинения Полибия – «смешанном государственном устройстве», состоявшем, по мнению ахейского историка, из монархии, аристократии и демократии, в рамках российского государственного устройства, в котором отсутствовала демократия. Сказался и поздний выход в свет перевода Полибия (1890-1899). Кроме того, все то, что переживало в это время русская общественность, отворачивало умы интеллигенции прочь от официального классицизма, а вместе с тем и от интереса к античному наследию. В этот период разгораются бурные страсти вокруг вопроса о целесообразности преподавания классических языков в школе. Россию ожидали огромные политические потрясения, и времени для осмысления преподанных Полибием уроков истории уже не оставалось.

Список литературы

1. **Диодора Сикилийскаго историческая библиотека** / пер. с греч. на росс. язык Ивана Алексеева; изд. Акад. н. 6 частей. СПб., 1774-1775.
2. **Полибий.** Всеобщая история / пер. Ф. Г. Мищенко; под ред. А. Я. Тыжова. СПб.: Наука, 1994. Т. I-III.
3. **Тыжов А. Я.** Полибий и его «Всеобщая история» // Полибий. Всеобщая история в сорока книгах: в 3-х т. / пер. Ф. Г. Мищенко; отв. ред. А. Я. Тыжов. 2-е изд., испр. СПб., 2005. Т. I.
4. **Тыжов А. Я.** Черты политической теории Полибия // Античное общество. Проблемы политической истории: межвуз. сб. / под ред. Э. Д. Фролова. СПб., 1997.
5. **Тыжов А. Я.** Элементы теории в историописании Полибия (понятия причины и судьбы) // Вестник ЛГУ. Сер. 2. Л., 1988. Вып. 4.
6. **Фролов Э. Д.** Русская наука об античности: историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006.
7. **Tischov A. J.** Quomodo Polybius Platonis philosophi opera legerit // Мнемон: исследования и публикации по истории античного мира / под ред. проф. Э. Д. Фролова. СПб., 2011. Вып. 10.

TRANSLATIONS OF ANCIENT GREEK HISTORIANS INTO THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR INFLUENCE ON THE RUSSIAN CULTURE OF THE XVIII-XIX CENTURIES

Tyzhov Andrei Yakovlevich, Ph. D. in History, Associate Professor
Saint Petersburg State University
firenze1449@yandex.ru

The article examines the issues associated with the influence of the Russian translations of ancient Greek historians on the Russian culture of the XVIII-XIX centuries. Special attention is paid to the translations of "Bibliotheca historica" by Diodorus Siculus and "The Histories" by Polybius from Megalopolis. The problems under study have not been previously investigated by researchers as in the aspect of the history of the Russian translations of Diodorus Siculus and Polybius from Megalopolis so as in the aspect of their potential influence on the Russian culture of the XVIII-XIX centuries. The paper focuses on the monumental translation of Polybius executed by the Professor F. G. Mishchenko.

Key words and phrases: chronicle writing; Byzantine chronicles; philological criticism; exegesis; retelling; general history; literary excerpts; Slavic Greek Latin Academy; Russian translations.

УДК 811.351.19
Филологические науки

В статье описываются вопросительные предложения бесписьменного бежтинского языка, входящего в нахско-дагестанскую языковую семью. Подробно рассматриваются формирование, семантика и синтаксис общих, альтернативных и частных вопросительных предложений. Общие вопросительные предложения образуются с помощью вопросительной частицы ***-д/-ди****, тогда как частные вопросительные предложения строятся с помощью специальных вопросительных местоимений 'сийо' «что», 'сукIо // сукъо' «кто», 'нигъа' «как, каким образом», 'наа' «где, куда», 'нийо' «какой, который», 'ласо' «сколько (размер)», 'лад' «сколько (количество)».*

Ключевые слова и фразы: бежтинский язык; частные вопросительные предложения; общие вопросительные предложения; альтернативные вопросительные предложения; риторические вопросительные предложения; косвенные вопросительные предложения.

Халилова Заира Маджидовна, Ph. D. in Philology
Институт языка, литературы и искусства имени Г. Цадасы
Дагестанского научного центра Российской академии наук
zaira.khalilova@googlemail.com

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В БЕЖТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В бежтинском языке вопросительные предложения делятся на два типа – общевопросительные (*далее* «общие») и частновопросительные (*далее* «частные») [4, с. 244]. Общие вопросительные предложения включают в себя альтернативные вопросительные предложения.